*Валентина Гурожановна Жалсанова,
канд. социол. наук, доц.,
ст. науч. сотрудник отдела
истории, этнологии и социологии
Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
valyazhal@list.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-104-107

СЕЛЬСКИЕ МИГРАНТЫ В ПРИГОРОДЕ УЛАН-УДЭ: ОПЫТ АДАПТАЦИИ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ

Доклад посвящен анализу адаптации сельских мигрантов в пригородах Улан-Удэ. На основе глубинных интервью, проведенных в 2017 г. и 2019 гг., рассмотрены причины и факторы переезда сельчан в город, а также их дальнейшие жизненные стратегии. Объектом социологического исследования стали сельские мигранты, обосновавшиеся в пригородных территориях. По результатам исследования выявлено, что среди мигрантов наиболее многочисленная группа представлена социально активными выходцами из села с высоким адаптационным потенциалом. Дальнейшая жизнедеятельность сельских мигрантов обусловлена особенностями социально-экономического развития Улан-Удэ, характеризующегося превалированием негативных тенденций, в первую очередь, высоким уровнем безработицы и низким уровнем зарплат. В итоге для многих сельских мигрантов становится характерным формирование нового миграционного настроения в виде намерений выехать из Бурятии в другие регионы страны/другие страны.

Ключевые слова: Республика Бурятия, Улан-Удэ, пригороды, сельские мигранты, жизненные стратегии, адаптация.

Для миграционных процессов в Республике Бурятия характерно преобладание внутренних перемещений из сельских территорий в направлении единственного крупного городского округа региона – в столицу, г. Улан-Удэ. Современное село в силу отсутствия значимого сельскохозяйственного производства оказывается неспособно решить задачи с трудоустройством многих сельчан, неспособно обеспечить развитую социальную инфраструктуру в виде образовательных, медицинских, культурных учреждений. Поэтому основной причиной усиливающейся из года в год сельско-городской миграции является ухудшающееся социально-экономическое положение большинства сельских жителей. Состояние, в котором оказалось большинство сельчан в постсоветский период, можно обозначить как депривацию, когда нет условий и ресурсов для обеспечения основных социальных потребностей, характерных для современной жизни. Еще одной важной причиной становятся изменения в ценностной структуре сельчан, особенно у молодого поколения. Изменилось отношение к труду, нарастают иждивенческие настроения. З. И. Калугина совершенно справедливо отмечает что «формирующееся институциональное пространство, действующий хозяйственный механизм деформируют систему ценностей индивида, снижая или сводя к нулю инструментальную ценность труда в общественном секторе аграрного производства; скорее способствуют социальному иждивенчеству, нежели развитию рыночных стандартов поведения и сознания, лишая социальной базы преобразования аграрного сектора; сдерживают процесс его модернизации» [2000, с. 61]. Поэтому наличие миграционного настроения и собственно усиление миграционных процессов можно объяснить теми процессами, которые охватили российское село в постсоветский период. «Трансформационные процессы на фоне рыночных преобразований и демократизации общественно-политической сферы изменили социальную структуру населения, облик деревни и оказали тем самым негативное влияние на количественные и качественные характеристики сельских сообществ. Отрицательный характер последствий социальных изменений привел к тому, что состояние аномии в сельском социуме в силу моносредности его пространства (*узкий рынок социальных «возможностей»*) оказалось более глубоким, чем в городском социуме и привело к дисфункциональному напряжению и дезориентации сельского населения, росту чувства социального отчуждения. Советские ценности, игравшие огромную роль в укреплении общественного механизма, оказались пе-

речеркнуты. Новые ценности, способные объединить общество, не возникли. И самое главное – исчезло чувство социальной защищенности, не обнаруживаются нормы и образцы поведения, способствующие формированию долгосрочных жизненных стратегий. Напряжение и дезориентация способствуют росту девиантного и делинквентного поведения, низкому уровню экономической и социально-политической активности» [Жалсанова 2014, с. 60].

Риторика большинства дискуссий вокруг села и социального положения сельских жителей часто обращена к констатации их бедственного положения, нарастания деградации и обезлюдивания деревень. Во многом соглашаясь с подобными взглядами, тем не менее, считаем необходимым отметить тот факт, что миграционное настроение характерно не только молодежи, но и людям среднего и старшего возраста, что уже является свидетельством наличия своеобразного адаптационного потенциала сельчан, независимо от их социально-демографических характеристик. Переезд является проявлением смелости и определенной активности людей, их готовности к значимым переменам в образе жизни. Поэтому самым многочисленным типом сельских мигрантов, на наш взгляд, являются социально активные люди с достаточно высоким уровнем адаптационного потенциала. Именно они способствуют массовости миграционного потока, так как вместе с ними осуществляется переезд всей семьи.

Переезд является первым шагом в жизнедеятельности сельского мигранта в новых условиях. Этот период может растянуться от нескольких месяцев до нескольких лет и зависит «от многих факторов: наличие жилья или возможность его приобрести/построить за короткие сроки; трудоустройство в городе; наличие родственников/знакомых, способствующих обустройству на новом месте» [Жалсанова 2017, с. 176–177].

Несмотря на то что основным вектором миграции является г. Улан-Удэ, следует уточнить, что местом проживания становятся его пригороды, административно относящиеся к другим муниципальным образованиям – Иволгинский, Заиграевский и Мухоршибирский районы Республики Бурятия. Во многом это обусловлено невозможностью приобрести жилье в самом городе, в первую очередь, вследствие дороговизны квартир. Немаловажным фактором становится и то, что пригороды чаще всего – это своеобразные зоны сельской жизни рядом с городом – деревенский дом (часто без канализации и водопровода), наличие хозяйства в лице огородов, а где-то даже и домашнего скота.

Тем самым, жизнь в пригороде позволяет недавнему мигранту сохранить привычный сельский образ жизни, что также способствует адаптации на новом месте, но не интегрирует его в городское пространство. Т.Г. Нефедова отмечает, что «степень руральности занятий городского населения связана с экономическим состоянием города» [Нефедова 2013, с. 25]. Улан-Удэ, несмотря на его статус главного города Бурятии и центра всей экономической жизни, оказался неспособен обеспечить комфортные условия жизнедеятельности сельским жителям.

Успешность/неуспешность дальнейшей адаптации зависит от трудоустройства сельчанина. Социально-экономический кризис оказал негативное влияние и на рынок труда в городе, наблюдается рост безработицы. В результате перед сельскими мигрантами появляется ряд векторов развития дальнейших жизненных стратегий: новое миграционное настроение – стремление к переезду в другой регион страны, и/или в другую страну; маятниковая миграция – поиск работы вахтовым методом в других регионах/в других странах; стратегия «выживания» на месте в виде разовых подработок/калымов или развития личного хозяйства с целью реализации продукции горожанам; дезадаптация и дальнейшая деградация и проявление девиантного и делинквентного поведения.

Исследование еще раз демонстрирует важность изучения социальных процессов внутри пригородов Улан-Удэ. Важно понимание того, что пригороды – это не только территориальное образование, прежде всего, люди, проживающие там.

Литература

Жалсанова В. Г. Структурное расселение сельских поселений Бурятии // Власть. – 2014. – № 6. – С. 59–62.

Жалсанова В. Г. Миграционное поведение сельских жителей Бурятии: факторы и тенденции // Что мы знаем о современных российских пригородах: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Бреславский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. – С. 170–179.

Калугина З. И. Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // Мир России. – 2000. – № 3. – С. 48–95.

Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: Ленанд, 2013. – 456 с.